
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Вьюга

Гуляла вьюга в городе ночном,
цеплялась к припозднившимся прохожим.
Толкнул её какой-то бомж плечом,
и проворчал: «Негоже, мать, негоже!».

Обиделась. Затихла. Умерла.
У вьюг, увы, ранимые сердечки.
По-вьюжки вьюгам хочется тепла,
а люди холодны по-человечьи...

Другие окна

Когда-то окна были интересней...
Пусть сквозняки гуляли по квартире,
которая жила на Красной Пресне
под номером четыреста четыре.
Пусть по утрам в мой сон врвался дворник,
коловший лёд в Столярном переулке.
И дядя Федя – каждый божий вторник –
будил своим: «Тачаю!». Пьяно. Гулко.

Пусть было шумно, зябко, но... тактильно.
И никогда – тоскливо-одиоко.
В окладах деревянных стёкла жили.
Такими были те... другие окна.

Когда по вечерам сгущались краски,
я раздвигал жаккардовые шторы,
и пропадал надолго в зимней сказке...
...Москва. Окно. Морозные узоры...

Небо в комнате

Это не было мечтой, но случилось:
небо в комнате моей – антуражем.
Тронув облако, скажу: «Очень мило!» -
и почувствую себя дюже важным.

То, что где-то за окном понедельник,
и вливается в метро многолюдность,
стало сущим пустяком – канителью;
захотелось в зазеркалье и в юность.

Непричёсанная жизнь перестала
мне казаться наказанием свыше.
Согласитесь, небо в доме – немало;
а ещё внизу московские крыши...

Мышь. Сюрмульт для взрослых

На берегу реки сидела мышь.
Жевала сыр, добытый в мышеловке.
Погладил мышку ветер по головке,
шепнул: «Привет!» – и спрятался в камыш.
На берегу реки сидела мышь.

Малютка наслаждалась тишиной.
Купала в речке розовые пятки,
искала в жизни мышью опечатки,
глазела вверх на звёздное пшено.
Малютка наслаждалась тишиной.

А в это время, где-то далеко,
разбил котёнок крынку с молоком...

На берег выполз утренний туман.
Слизнул пейзаж, оставив только звуки:
уключин скрип и песню о разлуке,
своей тоской сводящую с ума...
На берег выполз утренний туман.

Когда вернулся ветер в этот мир
и разорвал угрюмый морок в клочья,
эстетствующей точкой летней ночи,
на берегу реки валялся сыр...
Когда вернулся ветер в этот мир...

А в это время где-то далеко
стряхнул котёнок с лапки молоко...

Дыра

Вот стоит дыра на краю земли.
Под крестом стоит испокон молитв.
Не летит над ней журавлиный клин.
Воронье молчит – не бывает битв.
И живёт в дыре нелюдимый люд.
Сам собой живёт – без царей да слуг.
На устах замки, в головах уют.
Ни сердечных ран, ни душевных мук.
И такая вокруг благодать тоски,
словно счастья нет, да и горя нет.
Из купели – в тень гробовой доски.
Чередюю лет, не оставив след...
...Сколько создал ты вот таких же мест;
и зачем на них ты поставил крест?

Штурм Кёнигсберга

Убаюкивает дождь-пономарь.
Исповедует бойцов политрук.
По-над городом весенняя хмарь.
А я знаю, что сегодня умру.
И молиться смысла вроде бы нет:
с поля брани полагается в рай.
Только дал бы кто толковый совет:
что туда с собой дозволено брать?

Обозначит горизонты рассвет.
Оборвётся мысли каверзной нить.
Вспыхнут звёздочки сигнальных ракет.
И подумается вдруг: «Будем жить!»
Брошу тело из окопа вперёд,
подхвачу осипшим горлом: «Ура!»
Мне в ответку забубнит пулемёт –
огрызается ещё немчура...

...Не рассказывал мне дед про войну.
Он остался в сорок пятом. А я,
словно чью-то искупая вину,
вижу сны о тех апрельских боях.